

Отсекр полка Яков Кузьмин

В. РОССЕЛЬС, бывш. боец 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района

Яков Иванович Кузьмин очень любил музыку. Часто летними вечерами, когда наша дивизия еще только обучалась и готовилась к предстоящим боям, ответственный секретарь партийного бюро полка, собрав бойцов, запевал свою любимую «Ноченьку». Все дружно подтягивали. Потом завязывалась беседа о музыке. Яков Иванович мог часами увлекательно рассказывать о русских композиторах, о красоте народной песни.

Как-то его спросили: — А вы сами играете?

— До гражданской войны играл на скрипке. Потом пришлось оставить.

И он показал левую руку. На ней недоставало двух пальцев.

— Кронштадт, — лаконично пояснил Я. И. Кузьмин. Он вообще не любил рассказывать о себе. Мало кто из ополченцев знал, что за скупыми словами о гражданской войне и Кронштадте встают яркие страницы биографии этого скромного строителя нового, социалистического общества.

Сын бедняка-крестьянина из захолустной вологодской деревеньки, выросший в семье инспектора народных училищ, которого пленила одаренность мальчугана, Яков Иванович Кузьмин всей своей юностью был подготовлен к роли воспитателя масс. Окончив восемнадцатилетним парнем учительскую семинарию, где обучался на казенный счет «за способности», он два года преподавал в сельской школе и с тех пор навсегда остался учителем — по призванию и по сердечной склонности. Что бы он ни делал, куда бы ни посылала его партия, членом которой Я. И. Кузьмин стал в 1918 г., его больше всего привлекала работа с людьми. Он стремился туда, где мог нести товарищам великие идеи социальной правды, убеждать, просвещать, воспитывать.

Я. И. Кузьмин не был пламенным оратором, хотя и не раз принимал участие в митингах. Его сфера — душевная беседа в небольшом кругу людей, а то и наедине, когда можно, не повышая голоса, не прибегая к ораторским приемам, достать до дна души собеседника самой сутью мысли, задеть сокровенные струны, пробудить чистое чувство, сцементировать убеждения, укрепить волю к борьбе.

И еще один непреложный закон был свят для коммуниста Я. И. Кузьмина: чтобы убедить и повести за собой людей, мало слов — нужны действия.

А действовать приходилось не раз.

В гражданскую войну Я. И. Кузьмин добровольцем ушел в Красную Армию, был политработником Южного и Юго-Западного фронтов, участвовал в боях

против Врангеля. В жестокой схватке с белыми под Запорожьем попал в плен.

— Комиссары и большевики — шаг вперед! — раздалась команда.

Я. И. Кузьмин шагнул. Он боролся за свои убеждения открыто. Его отвели в сторону, присоединили к другим таким же и отправили в соседнюю деревню расстреливать. Всю группу построили над обрывом. Дали залп. Я. И. Кузьмин не стал дожидаться пули. Он покатился с высокой кручи и пролежал дотемна в балке среди убитых товарищей. Потом долго пробирался ночами к своим.

Это случилось в двадцатом году. А в двадцать первом коммунисты кавалерийской дивизии избрали начальника политотдела дивизии Я. И. Кузьмина делегатом на X съезд РКП (б). И снова бой: вместе с другими делегатами съезда Я. И. Кузьмин вышел на кронштадтский лед. Получив тяжелое ранение, Яков Иванович на три месяца выбыл из строя и на двадцать лет — из армии.

Все эти двадцать лет явились для коммуниста Я. И. Кузьмина школой партийно-политической работы. Выполняя ответственные задания Центрального Комитета партии, работая в губкомах, в МГК, в ЦК, учась в Институте красной профессуры, наконец, возглавляя сектор в Госплане РСФСР, Яков Иванович Кузьмин никогда не терял связи с массами. Он всегда видел себя лишь скромным «винтиком» в колоссальном механизме социалистического строительства, что отнюдь не мешало ему чувствовать себя полноправным хозяином страны и страстно пропагандировать идеи, положенные в основу советского строя.

В 1941 г., когда партия призвала народ на защиту завоеваний Октября, Яков Иванович Кузьмин оказался в числе первых добровольцев-москвичей. Он, как и многие, скрыл свое увечье, влился в дружную семью однополчан, быстро завоевал всеобщее доверие и был избран секретарем партийного бюро полка.

Первые три месяца войны прошли для бойцов **4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района**, как правило, в спокойной обстановке. Мы занимались лишь военным обучением и строительством оборонительных рубежей. Для Я. И. Кузьмина же это была горячая пора: требовалось за считанные недели сплотить и укрепить партийное ядро полка, узнать как можно больше людей, найти вожakov и застрельщиков будущих атак и штурмов.

Я. И. Кузьмин мобилизовал весь свой огромный опыт партийного работника, пустил в ход все средства пропаганды и агитации, которые знал: беседы с бойцами, «боевые листки», страницы дивизионной газеты, партийные собрания. Среди массы беспартийных он умел находить тех, кто уже сегодня готов вступить в партию, чтобы пойти в бой коммунистом. Партийная организация полка росла.

Ополченец Антоненко за короткое время освоил специальность артиллериста и стал командиром расчета. Коммунисты полка по предложению и рекомендации Я. И. Кузьмина единогласно приняли его в ряды партии.

Орудийный расчет молодого и энергичного командира Подгорного стрелял метко и слаженно. Ополченец Д. И. Ментов пользовался у бойцов заслуженным авторитетом. И тот и другой, получив поддержку Я. И. Кузьмина, стали коммунистами.

В сентябре 1941 г., когда полк заканчивал боевую подготовку, Я. И. Кузьмин написал о партийной работе в полку статью в армейскую газету. В ней он пропагандировал имена коммунистов, чей боевой опыт следовало сделать достоянием всех бойцов и командиров. Я. И. Кузьмин писал:

«Мы готовы во всеоружии встретить врага. Бойцы рвутся в бой. Коммунисты плечом к плечу со всеми бойцами и командирами части будут беспощадно бить противника до полного его уничтожения».

Вывод был правилен. Он полностью подтвердился, когда полк вступил в октябрьские и ноябрьские бои на ближних подступах к Москве.

В ту страдную пору Я. И. Кузьмина постоянно видели среди бойцов: в окопах, на переднем крае, перед боем и в сражении. Тут-то и сказались результаты его кипучей деятельности в период формирования и подготовки дивизии. Выяснилось, что этот близорукий, худощавый человек знал всех. И все знали его. Поблескивая стеклами очков, он обходил землянки, беседовал с каждым ополченцем, для каждого находя нужное слово.

Партийная работа в полку шла полным ходом. Секретарь партбюро умудрялся даже регулярно проводить собрания, используя дневные привалы на марше, отдых между операциями. Скромные строки политдонесения сообщают: *«За последнее время массово-политическая и партийно-комсомольская работа ведется по плану. Регулярно, по плану проводятся заседания партийного бюро полка».*

По плану! Грозные полчища противника рвались к Наро-Фоминску, дивизию трепало в лихорадке вражеских атак, а партийная работа шла по плану!

Партийная организация и в боях продолжала непрерывно расти. Многих в те месяцы Яков Иванович рекомендовал в партию. *«Тот, кто принят в партию на фронте, заслужил это право своей преданностью делу Ленина»*, — говорил он.

Изредка попадались и малодушные. В одном из политдонесений говорится, что партийное бюро полка обсуждало три заявления об утере партбилетов. Бойцу, который уничтожил свой билет, поддавшись панике, в выдаче дубликата отказано. Двум другим, заявившим об утере, тоже решено дубликаты не выдавать. А дальше строки, свидетельствующие о высоком партийном гуманизме и беспредельной вере в человека, свойственные секретарю и членам партийного бюро: «Считать возможным вернуться к обсуждению этого вопроса в зависимости от дальнейшей боевой деятельности этих товарищей».

Опыт пережитого помогал Я. И. Кузьмину трезво оценивать события и боевые действия своей части. Случилось так, что первый наступательный бой, в котором он принял участие, закончился неудачей. Секретарь партбюро в специальном донесении командиру и комиссару части подробнейшим образом, не упустив ни одной детали, нарисовал картину боя, разобрал операцию и объективно раскритиковал действия командиров роты и взводов.

Сам он умел великолепно поддерживать боевой дух ополченцев. В один из тяжелых дней октября Кузьмин встретил на крутом западном берегу Нары отступающих бойцов.

Комиссар батальона **Никита Зайцев**, который вел группу, вспоминал много лет спустя о встрече:

— Увидев меня, отсекар улыбнулся: «Что ж, товарищ Зайцев, бывают в жизни сложные положения, но дело наше не безнадежное. Важно перейти на восточный берег и там зацепиться. Тогда и дадим отпор».

Потом поглядел на сумрачные лица бойцов и покачал головой: «Я не привык видеть ополченцев такими беспомощными, раскисшими. Такими ли вы были, когда шли добровольцами? Для того ли шли?»

Люди, угнетенные обстановкой отступления, уловив спокойные, уверенные интонации в голосе человека, которому они привыкли доверять, приободрились, подтянулись и перешли Нару организованно. Я. И. Кузьмин подобрал брошенные у реки гранаты. За ним стали поднимать гранаты и другие — В. Федотычев, Л. В. Дрожкин (скорее всего имеется ввиду **Л. В. Дорожкин** — прим. ред.), В. Ф. Ряполов, И. М. Богачев.

Едва ли кто в полку знал, что всегда до предела занятый секретарь партбюро регулярно вел дневник, записывая карандашом в обыкновенную ученическую тетрадку все, что делал, видел и слышал. Его записи хранятся ныне в фондах Музея Революции. Они кратки, полустенографичны и с трудом поддаются расшифровке. Сколько в них неповторимо верного, как точно передана атмосфера осени сорок первого года! И как ярко виден в них образ самого Якова Ивановича Кузьмина!

«19 октября. Мы в деревне Мишукова. Ночью два раза была тревога. Сообщали, что идут фашистские танки. Оба раза тревога оказалась ложной. Но рано утром гитлеровцы действительно стали наступать и быстро подошли к Мишуковой. Полк перешел к обороне. Бьем из пулеметов и минометов. Ночью отходим к Наро-Фоминску. Противник наступает значительными силами. У них танки, много пулеметов. У нас нет танков. Силы противника превосходят наши. Темнеет. Входим в дом. Там много народу: женщины с детьми, подростки, двое мужчин из Наро-Фоминска. Рассказывают, что бежали из города в тот момент, когда на город налетела авиация противника и он подвергся сильной бомбежке. Гражданское население в большой тревоге. Мы просим показать нам более удобную дорогу на Наро-Фоминск. Рассказывают, как найти дорогу, но вести не хотят. Слышатся упреки: «Военные, а дороги не знаете». Обидно, но, к сожалению, правильно. Наконец, какая-то пожилая женщина прикрикнула на молодого мужчину: «Да собирайся, покажи им дорогу». Неохотно оделся и пошел с нами. Дорога ужасная, грязь невероятная. Люди в темноте падают друг на друга...»

Это происходило накануне описанной выше сцены с бойцами комиссара Н. Ф. Зайцева. О ней в дневнике ни слова. Вместо нее Я. И. Кузьмин описал в тот день другую, показавшуюся ему более важной:

«20 октября. Утром 3-я рота захватила трех пленных. У них крупнокалиберный пулемет, автомат, винтовка и револьвер-парабеллум. Один пленный — молодой, остальные — постарше, лет за сорок. Одежда у них плохая, грязная. Они находились в деревне, собирались есть горячий картофель. Заметив у наших бойцов гранаты, подняли руки вверх. По-русски не говорят. На бойцов третьей роты пленение гитлеровцев произвело большое впечатление. Это первые пленные роты...»

28 октября. Поддерживаю связь с политотделом **1-й Московской гвардейской дивизии** и 175-м полком этого соединения — нашим соседом справа. Пришлось идти 3—4 километра по страшной грязи. Дежурный дал мне три номера «Правды» за 27 октября и номер «Известий» за 26 октября. И это очень хорошо! Спешу в полк, темнота, я один в поле. Бойцы не получают трое суток газет. Пришел в полк, раздал газеты, все обрадовались. Начался сильный минометный обстрел.

29 октября. После завтрака направился в 175-й полк за газетами...»

Это были будни обороны Москвы, трудные, напряженные дни. Физическая нагрузка для 46-летнего, столько перенесшего в своей жизни человека казалась предельной. Но вот, спустя пять суток Я. И. Кузьмину пришлось пробыть с утра до вечера на командном пункте полка. Лесная сторожка в 2 километрах от деревни Афанасьевки забита до отказа: связные, связисты, штабники, разведчики. Все заняты своим делом, суетятся, спешат. Лишь ему, секретарю партбюро полка, по странной случайности не удалось ничего сделать. Он так и не дождался нужных ему людей. Казалось, тут бы и отдохнуть! Греха в этом никакого нет. Однако Я. И. Кузьмин отметил в дневнике: «Я устал. Целый день ничего не делаю».

А через неделю он был ранен. Накануне, 10 ноября, Яков Иванович записал в своем дневнике о другом человеке: «*Двадцатидвухлетний командир пулеметного взвода Виктор Васильевич Корсаков принят в члены ВКП(б). Он обладает исключительной выдержкой. Раненый в сражении, он не оставил поле боя и, обливаясь кровью, продолжал стрелять. Из своей винтовки он уничтожил пять фашистов.*»

А вот как описано в оперативном донесении то, что произошло на следующий день: «*11 ноября перед **1287-м стрелковым полком** была поставлена задача атаковать противника, обороняющего Атепцево, уничтожить его и закрепиться на восточном берегу Нары... При прохождении наших минных полей, несмотря на наличие проводников-саперов, подорвались на mine военком 2-го батальона Якунин (умер), командир роты, член ВКП(б) лейтенант Никифоров (умер), отсекар полка т. Кузьмин — ранение и контузия.*»

Позже Я. И. Кузьмин писал **жене**: «*11 ноября при наступлении я был ранен и контужен. Рана — моя легкая — в левое бедро, кости целы. Контузия — хуже, я не слышу на правое ухо: оглушило взрывом мины. Шинель моя обожжена и разорвана осколками во многих местах, но в общем я отделался очень дешево, не пошел даже в госпиталь, остался в строю. Сегодня ночью снова идем в наступление... Я немного устал, но все же еще держусь на ногах и участвую почти во всех операциях...*»

Первого декабря гитлеровцы сделали последнюю попытку прорваться к Москве в районе Наро-Фоминска. Одним из участков, куда устремились фашисты, явился кирпичный завод на южной окраине города. Там располагался командный пункт 2-го батальона 1287-го стрелкового полка. Впереди в маленькой роще оборонялся сам батальон. Секретарь партбюро Кузьмин находился среди бойцов. Обстоятельства сложились так, что в разгар боя ему пришлось принять на себя командование несколькими десятками ополченцев. Натиск врага все усиливался. К часу дня вся группа Я. И. Кузьмина была уничтожена. Яков Иванович был смертельно ранен в ноги и живот. В результате отчаянного сопротивления наших бойцов позиции батальона удалось отстоять. Но Кузьмин, обессиленный от большой потери крови, к вечеру скончался.

Однополчанин Я. И. Кузьмина, старший политрук П. С. Прощицкий, писал: *«Я работал вместе с Яковом 5 месяцев, жил с ним вместе, в одной комнате, а потом в одной землянке более 3 месяцев. Яков стал для меня самым близким товарищем. В полку его любили и уважали, как стойкого, выдержанного коммуниста, как опытного партийного работника, как исключительно отзывчивого товарища. Недаром мы избрали его руководителем партийной организации полка. В многочисленных боях, проведенных нами, Яков показал образцы героизма, мужества и самоотверженности. Он всегда был в первых рядах атакующих, всегда увлекал бойцов своим личным примером».*

Командование полка два раза представляло Я. И. Кузьмина к правительственной награде. За храбрость и мужество, проявленные в боях с 16 до 22 октября, он был награжден орденом Красного Знамени, а за героизм и самоотверженность, проявленные 1 декабря, представлен к награждению орденом Ленина.

Вот последняя из реляций:

«Кузьмин Яков Иванович, без звания, отв. секр. партбюро 1287 сп, 110 сд, член ВКП(б). Представляется к награждению орденом Ленина. Во время атак противника 1 декабря с. г. на подразделения 2-го батальона, находясь на КП батальона, организовал отпор 70 прорвавшимся автоматчикам противника, показывая личным примером образцы стойкости и храбрости. В результате КП отстояли, противник был отогнан. Тов. Кузьмин в этом бою был смертельно ранен».

Без звания... За пять месяцев войны не успели присвоить воинское звание ответственному секретарю партбюро полка Якову Ивановичу Кузьмину, рядовому Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войн. Забылось в горячке битвы. Да вряд ли он и нуждался в этом. Тем более, что звание у него было и звание высокое, почетное — коммунист.